

УДК 008

UDC 008

**КУЛЬТУРГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ
С.М.СОЛОВЬЕВА
(ГЕОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)***

**CULTURAL-GENETIC PATTERN IN RUSSIA
IN S.M. SOLOVIEV'S WORKS IN HISTORY
(GEOCULTUROLOGICAL INTERPRETATION)**

Пахров Анатолий Александрович
к.и.н., доцент

Pakhrov Anatoly Aleksandrovich
Cand.Hist.Sci., associate professor

Красильникова Мария Юрьевна
к.к.н.
*Шуйский государственный педагогический
университет, Шуя, Россия*

Krasilnikova Mariya Yurievna
Cand.Cult.Sci.
Shuya State Pedagogical University, Shuya, Russia

В статье представлена эволюция модели культуры России в работах историка С.М. Соловьева в зависимости от природно-географического фактора. Показаны перспективы данного воздействия для будущего нашей страны. Охарактеризованы критерии культуристорического направления в культурологии. Произведен анализ культуры России на основе культургенетического, геокультурного и этнокультурного подходов

The article presents the evolution of the models of Russian culture in the works of the historian Sergey Solovyov, depending on natural and geographical factors. It shows the effects for the future prospects of our country. It also describes the criteria cultural-historical sphere in cultural studies. The analysis of culture of the Russian Federation on the basis of cultural-genetic, geo-cultural and ethnic-cultural approaches has been made

Ключевые слова: КУЛЬТУРГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, ГЕОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, КУЛЬТУРИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД, АЗИОЕВРОПЕЙСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Keywords: CULTURAL-GENETIC PATTERN, GEOCULTUROLOGICAL INTERPRETATION, CULTURAL-HISTORICAL SPHERE (DIRECTION), ETHNIC-CULTURAL APPROACH, ASIAN-EUROPEAN PART

Культурология как наука условно делится на несколько направлений (подходов), которые в свою очередь содержат несколько культурологических концепций. Суть таких подходов определяется исходной гуманитарной наукой (науками), на базе которых кристаллизуется соответствующая ей концепция. Однако истоком культурологии на Западе является культуристорическое направление, появившееся в эпоху Просвещения во 2-й половине XVIII века. Именно тогда впервые была сформирована классическая модель западной культуры как результат исторического развития человека идущего по пути разумных и гуманистических общественных отношений. При этом следует заметить, что истоки европейской культуристорической мысли находятся в

рамках философии (Ж. Ж. Руссо, Д. Вико, И. Гердер). Именно в эпоху Просвещения указания философы стремились к целостному и сущностному пониманию культуры как к продукту разума и как главному фактору её эволюции [4, с. 46 - 68]. К середине XIX века на Западе достаточно чётко были определены теоретические критерии культуристорического подхода в рамках философии.

Эти критерии (аналитические факторы и методы) культуристорического направления таковы:

- генезис культур (исследование причин их возникновения, включая этнографические факторы);
- основной фактор (движущие силы эволюции культур);
- основные этапы (периоды) эволюции культур (становление, расцвет и гибель культур или динамика культуры);
- сравнительно-исторический метод (взаимосвязь, преемственность, сочетание традиций и новаций в культуре);
- системный метод (выявление общих, типических черт в культуре или статика в культуре).

Указанные параметры культуристорического подхода существовали и существуют в западноевропейской философской модели с XVIII века по настоящее время.

В отличие от Запада истоки отечественной культурологии следует искать в рамках исторической науки, так как философская мысль в России формируется не ранее середины XVIII века в виде идей западничества и славянофильства. Хотя, безусловно, следует признать правоту мыслей современных российских культурологов о том, что отечественная культурфилософия в лице таких её ведущих представителей как К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский внесла

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки России

новые аспекты в интерпретацию русской православной и народной духовной традиции [1, с. 148-155]. Говоря о началах эволюции отечественного культуристорического направления в рамках исторической науки, следует назвать, прежде всего, Н. М. Карамзина. Он первым предложил культурологическую модель эволюции основных сфер русской культуры [3]. Однако наиболее полно и развёрнуто, все критерии культуристоризма отражены в творчестве историка 2-й половины XIX века С. М. Соловьёва и его многотомной «Истории России с древнейших времён».

Генезису славянской культуры С. М. Соловьёв посвящает первые четыре главы 1 тома своего капитального труда, в которых последовательно рассматривают природно-географические условия, древнейшее население, зарождение славянского этноса и его взаимоотношения с другими неславянскими народами, включая норманнов.

Рассуждая о природно-географическом факторе, С. М. Соловьёв отмечает однообразие природно-климатических форм, которое исключает региональные культурные различия многочисленных российских этносов и приводит к сходству в их занятиях. Отсюда вытекает следующая культурологическая цепочка: однообразие занятий рождает единство в духовных сферах культуры (нравы, обычаи, знания и верования); одинаковость ментальных приоритетов сглаживает социально-этнические противоречия (практически исключается возможность общественных и этнических конфликтов); одинаковые, относительно скромные, материальные потребности создают подобные средства к их удовлетворению (хозяйственная и бытовая сферы культуры).

Данная геокультургенетическая цепь обуславливается обширной лесной равниной, тянущейся на огромном пространстве с запада на восток:

от Балтийского моря до Тихого океана, прорезающейся с севера на юг великими реками от Днепра до Амура. По справедливому замечанию С. М. Соловьёва «путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов» [5, с. 60].⁴ Этот природный фактор сближает русскую культуру с восточно-европейскими культурами (германская, польская). Однако великая русская равнина открыта на юге и юго-востоке, соприкасаясь непосредственно со степями и пустынями Средней Азии, Монголии и Маньчжурии, чем обусловлено становление огромной по территории «контактной зоны» евразийской культуры.

Несмотря на отмеченное единство геокультурного пространства, С. М. Соловьёв подразделяет его на четыре природно-географических ареала в зависимости от характера водной сети и растительного покрова данной местности, а также возможности межкультурного взаимодействия в соответствующих «контактных зонах». С. М. Соловьёв, следуя исторической логике, располагает эти природные области в следующем порядке: 1) Новгородская (озёрная, всхолмленная) область, 2) область Западной Двины и Белорусского полесья (болотистая, низинная), 3) область Днепра (реки, лесостепь) и 4) область Верхней Волги (реки, леса). Для каждой из них он отмечает культурно-исторические контакты. Новгородский регион связывает с древних времён Россию с Северной и Западной Европой, Двинская – с Центральной и Восточной Европой, Днепровская – с Юго-Восточной Европой и Ближним Востоком, а область Верхней Волги – со всей остальной Азией.

Однако следует выделить среди них две несколько противостоящие друг другу пары геокультурных областей. Первую пару представляют культурно-исторические ареалы с двусторонними «контактными зонами» имевшими в период генезиса русской культуры определённые преимущества. Они располагались по единой оси, протянувшейся с севера

на юг (от Балтийского до Чёрного морей). Это ключевая культургенетическая магистраль древней Руси. К ней относятся Новгородская (озёрная) и Днепровская (лесостепная) области. При этом первая из них имела в период генезиса более сильное влияние со стороны Запада посредством скандинаво-германского воздействия. Через эту область шёл великий водный путь из Северо-Западной Европы в Юго-Восточную («из варяг в греки»). Обратное влияние Новгородского региона на Европу выражено слабее. Оно возникло не ранее XIV века (присоединение Новгорода к Ганзейскому торговому союзу), медленно расширялось в последующих веках, пока не укрепилось лишь в XVIII веке (основание Петербурга). Однако Новгороду не суждено было стать объединяющим ядром русских земель, так как «нецивилизованные» варяги и воинственные немецкие рыцарские ордена в Прибалтике не несли позитивного культуросозидающего начала. В последствие (с XV века) движение Северо-Восточной (Московской) Руси на запад (к Балтийскому морю) приводит к своеобразному «отрыву» новгородско-псковских земель от Запада.

Днепровская (Киевская) область, в отличие от Новгородской, приняла на себя более сильное воздействие со стороны Востока (негативное – от кочевников, позитивное – от Византии). Влияние Запада на эти земли было не менее существенным (посредством все того же торгового пути «из варяг в греки», а позднее Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и Австро-Венгрии). Благодаря более сильному культурному влиянию Востока в лице цивилизованной Византийской империи (христианизация) Днепровскому региону удалось выступить организующим культургенетическим центром для всех других русских земель (Киевская Русь). Однако многовековое влияние восточноевропейских стран, несмотря на все усилия России (с конца XVIII

по начало XX века) и СССР, сыграло свою решающую роль в культурном развороте киевских (украинских) земель в сторону Запада.

Другая изначальная пара культурно-исторических ареалов с односторонними «контактными зонами» не имела в период генезиса русской культуры заметных преимуществ. Она образовывала своеобразные «наросты» к западу и востоку от ключевой геокультурной оси и скрывала в себе как потенциально «культурэволюционные», так и «культуртупиковые» начала. На западной её окраине располагалась область Западной Двины (Полоцкая, Минская), которая приблизительно очерчена границами современной Белоруссии. По справедливому замечанию С.М. Соловьёва, почва данного региона неплодородна и наполнена озёрами, болотами, топиями. Бедность природы при удобстве сообщения с Балтийским морем посредством Западной Двины обратила внимание жителей на торговлю, и они являлись посредниками заморской русской торговли. Обособленность этой земли и недостижимость морских берегов (в отличие от Новгорода), а также наступательное движение немцев привели к одностороннему западному влиянию на данный ареал. Культурное взаимодействие с главной культурно-исторической осью (Востоком) было слабым (исключая посредническую торговлю со Смоленском), что привело к определённому «культурэволюционному тупику» - подчинению белорусских земель сначала Литве, затем Польше. Московское государство и Россия на протяжении пяти веков (с XV по XX вв.) силой оружия пытались вывести этот регион из-под западного влияния. Временами это удавалось – при Иване III, Екатерине II и в советский период, но культургенетический фактор даёт о себе знать, и сегодня мы наблюдаем независимую Белоруссию медленно, но неуклонно «разворачивающуюся» к Западу.

Теперь обратимся к области Верхней Волги – культурному ядру России. Благодаря развитой речной сети Ростово-Суздальская Русь при

самом начале своей истории испытала не очень сильное (колонизация, торговля) западное влияние от Новгорода посредством водной нити (Белоозеро – реки Шексна, Волга, Которосль, Нерль, Клязьма, Ока). Однако уже с середины XII века, с обособлением Новгородских земель от Киевской Руси, эта тонкая нить обрывается. В качестве компенсации этому уже в древности возникает все более усиливающее одностороннее влияние ростово-суздальских земель на Восток – на волжских булгар и мордву, и в этом движении русские остаются победителями. Правда, в дальнейшем это наступательное движение на три столетия было приостановлено монголо-татарами, но при этом культургенетический потенциал, накопленный в период становления Ростово-Суздальской Руси, дал о себе знать. Иван IV Грозный распространил русское влияние на Среднюю и Нижнюю Волгу. В то же время русские поселения появляются на Камской речной системе, которая состыковывается с системами сибирских рек. При этом, как точно подмечает С. М. Соловьёв, «переход через Уральские горы по их незначительной высоте был лёгок, незаметен для русских людей» [5, С. 74].⁵ В дальнейшем русские утверждают в Сибири и на Дальнем Востоке окончательно, дойдя по рекам до берегов Тихого океана. Таким образом, одностороннее культурное воздействие России на «дикие» народности Сибири заставило смотреть их исключительно на Запад, образовало из Дальнего Востока нераздельную часть Европейской России.

Естественными, но только дополняющими факторами культурного распространения российского влияния являются северо-западное и южное движения. Они носили исключительно оборонительный характер и не являются культургенетическими (а значит, являются антигеокультурными). Движение в новгородские земли началось только во второй половине XV века (закончилось в начале XVIII века) с целью защиты от западного влияния. Антироссийская культурная направленность Запада через северо-западные земли проявилась позднее – в XX-XXI веках

(Октябрьская «революция» 1917 года, газовая магистраль из России в Европу «Норд-Стрим» и т.д.). Распространение русских владений в области Дона и Северного Кавказа начавшееся в XVI веке имело аналогичный характер, но только с целью защиты от воинственных стран и народов Ближнего Востока. Многочисленные войны, националистические движения и терроризм угрожают России с данного региона до сих пор. Поэтому неслучайно С. М. Соловьёв в своём капитальном труде «История России с древнейших времён» (Том, 1 глава) подчёркивает особую значимость для культурной эволюции России именно сибирских и дальневосточных земель, которые как указано выше являются для нашей страны культургенетическими.

Говоря о влиянии природно-климатического фактора на культурогенез, С. М. Соловьёв выделяет два типа такого влияния: северное и южное. «Природа роскошная, с лихвой вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. Пробуждённый раз вспышкой страсти, он может оказать чудеса, особенно в подвигах силы физической, но такое напряжение сил не бывает продолжительным. С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивает в народе чувство красоты, стремление к искусству, общественным увеселениям» [5, с. 78]. Указанным критериям полностью соответствуют абсолютно все культуры древнего (и не только древнего) Востока. На огромных пространствах Азии мы наблюдаем благодаря благоприятным природным условиям бурное развитие сельского хозяйства с обильными урожаями, не требующими больших физических затрат. Научно-технические достижения Востока менее заметны, а те из них, которые и появлялись (порох, компас и другие) благополучно заимствовались Западом. Широко известны многочисленные завоевательные походы азиатских империй (Ассирия, Персия, Монголия, Япония). Однако, все они не смогли

выдерживать длительного сопротивления как в отдельных сражениях (на реке Угре монголы против русских в 1480 году), так и в войне в целом (Япония во второй мировой войне против США и Англии могла проводить наступательные операции только в течение первых шести месяцев – с декабря 1941 по май 1942 года). Продолжая логический ряд С. М. Соловьёва, следует упомянуть великие достижения Востока в сфере монументального искусства (архитектура, скульптура, живопись), а также знаменитые восточные пиршества, танцы, театр.

Все вышесказанное, однако, не относится к России, которая принадлежит к северному типу культуры по природно-географическому фактору. С. М. Соловьёв пишет по этому поводу: «Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелёгкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбуждённом состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели. Понятно, что народонаселение с таким характером, в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным» [5, с. 78]. Читаем далее: «Среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невесёлой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом. При таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному времяпровождению. Стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее... что, разумеется, в свою очередь приводит к ещё большей суровости нравов» [5, с. 78].

Указанные особенности относятся, прежде всего, к культурам Западного типа, где бедная природа подталкивает к приоритетному развитию ремесла (позднее промышленности). Сельское хозяйство из-за

малоблагоприятного климата требует значительных материально-технических и финансовых затрат. Именно по этой причине Запад опережает Восток в промышленной и военно-технической сферах, но при этом находится в определённой сырьевой и сельскохозяйственной зависимости от него. Россия в этом плане сочетает черты хозяйственной культуры обоих типов: развитое с древних времён ремесло и значительные сырьевые запасы, которыми она начала снабжать Запад с XX века. Кроме того Европа благодаря природному фактору добилась качественного прорыва в науке и образовании. Россия «дремавшая» в этой части культуры начиная с XVIII века к настоящему времени догнала Запад в сфере научных и образовательных технологий.

Говоря об огромном географическом пространстве России, следует отметить постоянное стремление к укреплению государственной вертикали централизованной политической власти (великие князья, цари, императоры, президенты) для осуществления полного контроля над огромной территорией и многочисленными народами. Однако многочисленная правящая элита и промышленные «тузы» «проедают» большую часть накопленных материальных (финансовых) средств, а потому в отличие от Запада многочисленное «простое» население живёт бедно, озабочено более материальным выживанием. Разумеется, что у людей не остается времени на понимание и «поглощение» произведений искусства, а у народа России, в сравнении с западноевропейским, преобладает негативное настроение и эмоции. Уровень материальной (бытовой) жизни в России всегда был и видимо будет на порядок ниже, чем в Западной Европе (сегодня он ниже многих азиатских стран). Разорвать выстроенную С. М. Соловьёвым геокультурную логическую цепочку не представляется возможным, пока существует великая (в территориальном и природном смыслах) Россия.

Во 2-4 главах 1 тома «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёв рассматривает процесс возникновения восточнославянского этноса, а также говорит о влиянии, оказанном на этот процесс соседними народами. Рассуждая об этническом факторе в культурогенезе восточных славян, С. М. Соловьёв выстраивает своеобразную этнокультурногенетическую цепь, включающую три основных этапа: древнейший (VIII – I века до нашей эры; смотри 2 главу), древний (I – середина IX века; смотри 3 главу) и норманнский (2-я половина IX века; смотри 4 главу). Первый из названных периодов практически не оказал существенного влияния на этнокультурогенез славян Северной Руси. Историк называет около десятка различных племён, сменявших друг друга на протяжении веков в Южной Руси (при этом ни разу не упоминает славян): «Как на ясной памяти истории в Южной России господство одного кочевого народа сменялось господством другого, жившего далее на восток, так и в древние времена господство скифов сменилось господством сарматов, но от этой перемены история мало выиграла... переменялись имена, отношения остались прежние, потому что быт народов, сменявших друг друга, был одинаковый» [5, с. 87]. Правда, современные археологи нашли некоторые культурные следы пребывания скифов и сарматов в районе Верхнего Днепра и Верхней Волги, а значит они не могли не оставить некоторого культурного воздействия на обитавшие здесь до прихода славян племена (скорее всего финно-угорские). Как бы то ни было, приходится признать восточный этнокультурный фактор в качестве первоначальной основы в культурогенезе восточных славян.

Второй этап этногенеза является ключевым в становлении русской культуры. Азиатские по духу славяне, перейдя на Дунай, столкнулись с воинственными племенами и культурами Запада (кельты, германцы, римляне, византийцы), что не могло не усилить их воинственный и кочевой нрав (С. М. Соловьёв в этом плане проводит параллель между

славянами и сарматами) и новое переселение. Восточная ветвь славян заселяет полупустынные земли между Днепром и Верхней Волгой и попадает в новое природное этнокультурное окружение. Леса и реки заставили славян обратиться к оседлому образу жизни, земледелию и ремеслу по дереву, а местное финно-угорское население «остудило» их воинственный нрав и обычаи. Это говорит о медленном, но неизбежном повороте древнерусского этноса в сторону западного типа культуры. В подтверждении этого С. М. Соловьёв пишет о смягчении нравов и обычаев восточных славян (семейно-брачные отношения, гостеприимство, обращение с пленными, быт).

Оставив в стороне малозаметное влияние на древнерусскую культуру со стороны восточных племён (гунны, авары, хазары, печенеги) обратимся к финно-угорскому населению. Несмотря на его изначальную дикость, оно все же обладало всеми основными чертами культуры европейского типа. С. М. Соловьёв подмечает: «По нашему летописцу видно, что финны имели города, подобно славянам; в скандинавских преданиях финны являются искусными кузнецами, финские мечи славятся на севере» [5, с. 117]. От этих оседлых «промышленных» финнов славяне перенимали навыки новой хозяйственной и городской культуры. Достаточно много общего обнаруживается в свадебных, похоронных, бытовых и религиозных (языческих) обычаях финского и русского народа: выкуп приданого, встреча молодожёнов, похоронные тризны, бани, вера в русалок и домовых, жертвоприношения под деревьями. «Такое сходство обычаев с осторожностью должно приписывать заимствованию у одного племени другим, хотя взаимное влияние двух соседних племён друг на друга бесспорно» [5, с. 298], - замечает С. М. Соловьёв. И далее: «О волхвах славянских мы знаем очень мало, но нет сомнения, что они имеют тесную связь с волхвами финскими по близкому соседству и союзничеству этих двух народов, тем более, что после, по принятии христианства,

волхвы преимущественно являются на севере и оттуда мутят славянское народонаселение» [5, с.115-116].

Наконец третий этап этнического влияния на славян (норманнский или варяжский) связан с генезисом политической культуры по западному образцу: «Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредотачивающее начало, эту власть. Здесь в сосредоточении нескольких северных племён, положено начало сосредоточению и всех остальных племён, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племён, чтобы посредством их сосредоточить и другие» [5, с. 130] (С. М. Соловьёв). Эта объединительная тенденция активно проявлялась и в последующие периоды российской истории. Таким образом, подводя итог рассмотренным этапам этнокультурогенеза начальной России следует сказать, что западное культурно-историческое влияние явно преобладало над восточным (два последних этапа против одного первого).

Таким образом, в труде «История России с древнейших времён» выстраивает западноевропейскую культургенетическую модель России, которая заключается в следующем:

а) в природно-географическом и культурном факторах:

1. Наличие равнинного рельефа местности, лесов и развитой речной сети.
2. Бедная, однообразная природа, вызванная умеренно-континентальным климатом.
3. Развитая ремесленная (промышленная) сфера хозяйственной культуры при рискованном и затратном сельском хозяйстве.
4. Большая роль науки и образования.
5. Централизация системы политической власти.

6. Сильное колониционное начало, сравнимое с европейской колонизацией (древний Рим, европейские колонии в Новое время).

7. Более действенное влияние на культуру России со стороны Запада, чем Востока.

б) в этнокультурной жизни:

Соединённое влияние финно-угров и скандинавов (варягов), при незначительной трансляционной динамике азиатских (кочевых) народов, дали России «западный образец» в социально-политической и бытовой сферах культуры.

В своей статье «Древняя Россия» (впервые опубликована в 1856 году) С. М. Соловьёв вновь предстаёт перед читателем как убеждённый сторонник западной модели в российском генезисе культуры. При этом он энергично выступает против характеристики русского народа как народа азиатского: «Брошенные на край Европы, оторванные от обществ образованных народов, в постоянной борьбе с азиатскими варварами, подпадая даже игу последних, русские люди неутомимо совершали свое великое дело, завоёвывая для европейско-христианской гражданственности неизмеримые пространства от Буга до Восточного океана, завоёвывая не оружием воинским, но преимущественно мирным трудом, русский народ должен был сам все создавать для себя в этой стране, дикой и пустынной» [6, с. 272]. Однако при внимательном прочтении уже здесь наблюдается некоторое расхождение с западным типом культуры: Запад завоёвывает новые пространства на Востоке, а Россия осваивает их мирным путём. А далее Россия более того входит в процесс противостояния с Западом с целью заимствования у него «цивилизационной» динамики: «И вот русские люди с берегов Волги, где боролись с гнездом татарских хищников, должны были отправляться в поход на запад, к берегам балтийским, чтобы завоевать цивилизацию, чтобы иметь возможность не бояться Азии. Таким образом, эти мнимые (с

позиции Запада) варвары являются перед историей борцами за цивилизацию и на Востоке и на Западе» [6, с.273]. Отсюда начинается выкристаллизовываться более последовательная и логически мотивированная геокультурная модель России – евразийская. Мы бы назвали её азиоевропейской, учитывая более активное движение России в Европу и негативное восприятие самого Запада таким движением, о чем также пишет С. М. Соловьёв: «Россия должна завоёвывать плоды европейской цивилизации, ибо соседние государства, боясь её могущества, не хотят допустить её до свободного пользования этими плодами» [6, с. 273].

В «Исторических письмах» (1858 года первой публикации) С. М. Соловьёв уточняет феномен геокультурной организации России, подправляя социокультурный смысл, политические и хозяйственные формы, происходящие из природно-географического окружения: «И у нас и на Западе было завоевание: этого факта нельзя вычеркнуть из летописей, несмотря ни на какие натяжки. Дело в том, как происходило завоевание, в какой стране, при каких природных, этнографических и общественных условиях: от этих условий и происходит все различие в общественных отношениях на Западе и у нас» [6, с. 374]. В отличие от Европы природные условия России не создают препятствий для культурного единения: здесь нет высоких гор как на Западе (Альпы, Балканы, Апеннины, Пиренеи), нет степей и пустынь как в Азии (Кубань, Каракумы, Кызылкум), нет резких климатических переходов: «здесь одна речная область – область Верхней Волги» [6, с. 395] (позднее добавились другие связанные между собой речные сети Сибири и Дальнего Востока). Этнические (племенные) различия в процессе культурогенеза России также были незначительны в сравнении с Западом: «так на обособленность больших племён в Германии указывают как на условие, помешавшее государственному соединению этой страны. Но в Восточной России и

этого условия, препятствовавшего централизации, не было» [6, с. 395]. Кроме того русский княжеский феодализм менее препятствовал централизации, чем классический феодализм Запада: «Там, на Западе, члены завоевательной дружины, прежде всего, стали землевладельцами и через это получили самостоятельное, независимое положение. У нас же нет и помину о разделении земель между членами княжеской дружины; нет помину об их самостоятельном, независимом значении как землевладельцев, об их столкновении друг с другом и с князьями в этом значении» [6, 374]. Увеличивая культурную дистанцию между Западом и Россией, С. М. Соловьёв говорит и о социально-экономическом культургенетическом факторе: «Главное явление, которое останавливает нас на Севере, - это неразвитость городских общин вследствие неразвитости промышленности и торговли, вследствие бедности городов» [6, с. 398].

Исправляя геокультурную модель России, отдаляя её от Запада, С. М. Соловьёв невольно приближает её к Востоку, усиливая азиоевропейскую составляющую.

В своей поздней статье «Начала русской земли» (1877-1879 годов) историком излагается окончательный вариант теоретической платформы по вопросу о главнейших факторах культургенетического процесса в России:

- 1) культургеографический (природа страны);
- 2) этнографический (характер «племени», к которому принадлежит народ);
- 3) ход внешних событий (соприкосновение с другими народами и культурами) [7, с. 706].

Исходя из этих факторов, С. М. Соловьёв указывает на культурно-цивилизационные опасности и перспективы будущего России: «Если Россия есть обширнейшее государство в мире, то мы необходимо должны

встретиться с известным рядом неудобств» [7, с. 707]. К этим неудобствам он относит медленные темпы освоения территории, открытость границ, редкость и разбросанность населения, и «главное из них – отсутствие удобных путей сообщения, уничтожающих пространство» [7, с. 707]. Однако эти препятствия в будущем могут стать факторами для культурного взлёта России: «Обширность её станет условием в высшей степени благоприятным, условием внешнего могущества и внутреннего процветания, ибо при равно благоприятных условиях тело большее необходимо сильнее меньшего» [7, с. 707]. Ещё более совершенствуя геокультурную модель России, С. М. Соловьёв определяет нашу колонизацию как сухопутную «в противоположность западноевропейской заморской колонизации, заселению земель, лежащих за океаном и потому находящихся в самой хрупкой связи с метрополией» [7, с. 735]. Однако выгоды от сухопутной колонизации Россия может получить только в будущем. Наконец, внешние западные и восточные народы и государства не относя Россию к своему типу культуры, на протяжении всей русской истории осуществляли беспрестанные военные нападения. Поэтому, по образному выражению С. М. Соловьёва русская культура «носит изначально характер военного поселения, пограничной военной линии» [7, с. 735]. Однако эта проблема требует отдельного пристального исследования.

Подводя итог, можно сказать, геокультурная модель С. М. Соловьёва отражает специфику культуры России в ее природно-географическом, этническом и социально-политическом аспектах. Она объединяет в себе как Западное (динамическое), так и Восточное (традиционное, патриархальное) начала. При этом имеется значительный геокультурный неистраченный потенциал отечественной культуры, ориентированный на более полное его раскрытие в будущем.

Список литературы

1. Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Становление философии культуры в России // Философия культуры. Становление и развитие. – СПб: Издательство «Лань», 1998. – 448 с.
2. Океанский В.П. Мир Хомякова: Церковь и культура: Монография. – Иваново, 2009 – 280 с.
3. Пахров А.А. Николай Карамзин как первый русский культуролог // Рождение культурологии в России (сборник научных трудов) – Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011 – 592 с.
4. Перов Ю.В. Становление теории культуры в европейской философии Нового времени // Философия культуры. Становление и развитие. – СПб: Издательство «Лань», 1998. – 448 с.
5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т.1 – 812 с.
6. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.XVI. Работы разных лет. - М.: Мысль. 1995. – 733 с.
7. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.XVII. Работы разных лет. – М.: Мысль. 1996. – 766 с.